

27.02.99

Молчанов Владимир

СУББОТНИЙ ГОСТЬ

Труда. — 1999. — 27 февр. — с. 7, 4.
Владимир МОЛЧАНОВ:

Я БЫЛ ПЕРЕВОДЧИКОМ СУСЛОВА

Уйдя семь лет назад с первого канала на RenTV, Владимир Молчанов потерял в былой популярности (кто тогда не знал ведущего программы "До и после полуночи"?), но, похоже, приобрел некую дополнительную загадочность облика. Как у Молчанова сегодня дела? И я отправился к нему в гости.

— Давай, Володя, начнем с истоков. Ты вырос в семье известного композитора Кирилла Молчанова. В детстве наверняка сидел на коленях у Марка Фрадкина, других именитых...

— Ну конкретно на коленях у Фрадкина я не сидел, хотя его дочь была моей первой любовью. В четвертом классе я написал ей объяснение в любви — с шестью, как потом выяснилось, орфографическими ошибками... Но ты прав: судьба подарила мне в детстве, юности множество встреч с удивительными людьми. Мы жили на улице Москвина, рядом с филиалом МХАТа. Вечерами к нам заходили пропустить по рюмочке, пообщаться великие мхатовские старики: Яншин, Станицын, Массальский, Грибов, Ливанов... Летом всей семьей отдыхали в Рузе — нашей музыкальной Мекке. Не знаю ни одного мало-мальски известного композитора, который не бывал в Рузе. А рядом, буквально в 50 метрах, располагался Дом отдыха ВТО, чуть подалее — писательская Малеевка. Представляешь, какая концентрация талантов!

— И все-таки как случилось, что ты стал кем угодно, только не музыкантом?

— Музыкой я занимался с шести до одиннадцати лет. Потом умер мой учитель, очень близкий нашей семье человек, который учил играть еще моего отца, и я перестал подходить к роялю. Сейчас об этом жалею. Слух у меня хороший, а подобрать мелодию не всегда могу. Хотя душа и поет.

— А родители не заставляли?

— Нет, они ни в чем на меня не давили, кроме того, чтобы я просто хорошо учился. Единственное, чему они воспротивились, так это моему поступлению в школу-студию МХАТ, куда я собрался втайне от них. Моя мать была актриса, отец писал музыку для театра и кино, они хорошо знали горькую изнанку этой профессии. Поэтому моя старшая сестра (телевизионный комментатор, знаменитая в прошлом теннисистка Анна Дмитриева. — Л.П.) взяла меня за руку и отвела на филологический факультет университета, который она к тому времени

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

закончила, прочувшись, правда, из-за бесконечных соревнований, спортивных сборов десять лет.

— Ты вырос в обеспеченной семье. Не искушали соблазны "красивой" жизни?

— Семья у нас действительно была не бедная, но денег у родителей я не просил — с 14 лет обеспечивал себя сам. Как и сестра, я занимался теннисом, входил в сборную Москвы, был чемпионом Союза среди юношей. Моя спортивная стипендия составляла 140 рублей, кроме того, я получал талоны на питание и — непременно шоколадку "Аленка", которую нам в команде выдавали. Юмор в том, что, отучившись в университете шесть лет и овладев редким гол-

ландским языком, я свою первую зарплату получил в размере 132 рублей.

— Почему шесть лет и почему вдруг голландский?

— Сначала я учился на испанском отделении. Уехал в начале семестра на соревнования, когда вернулся, ребята уже говорят по-испански, а я на нуле. Надо было выбирать: спорт или профессия. Я выбрал профессию. После года учебы перевелся на первый курс в голландскую группу, которую набирали раз в пять лет. Стал серьезно заниматься, даже брал частные уроки у голландской четы, обосновавшейся в Москве. Со временем неплохо овладел языком, переводил Сулову, Пономареву, Щербицкому, Алиеву, Загладину... Когда заканчивал факультет, у меня было 11 предложений на работу. Выбрал АПН, где уже бывал на практике, писал свои первые статьи.

— Ты мог стать журналистом-международником. Сидел бы сейчас где-нибудь в странах Бенилюкса...

— Я писал международные комментарии, вел авторские колонки в голландских изданиях, в финских. Недолго был собкором АПН и газеты "Советская культура" в Амстердаме. Но — отозвали: чтобы оставаться там дальше, надо было иметь офицерское звание одного серьезного ведомства, в котором я не служил. Но не жалею, что судьба международного не сложилась. В 24 года мне удалось выйти на след и со временем раскрыть крупного голландского нациста, который в годы войны расстреливал людей на Украине, во Львовской области. Это стало моей темой — в течение шести лет я самозабвенно копался в архивах, искал документы, опрашивал свидетелей... По результатам своих поисков написал сотни статей, выпустил две книжки. Согласись, это более честно и благородно, чем славословить КПСС, обличать язвы империализма, что было неизбежно в международной журналистике.

— Но перейдем к твоей телевизионной карьере, которая у тебя началась довольно поздно — в 36 лет... Нет у тебя чувства вины за то, что ты говорил и делал в программе "До и после полуночи"? Сегодня, когда светлое демократическое будущее что-то никак не наступает, — не кажется ли тебе чрезмерным тот пафос, с которым ты и твоя передача рушили прежние идеалы и ценности — во многом фальшивые, но хотя бы обеспеченные своевременно выдаваемой зарплатой?

— Нет, мне не стыдно ни за одну передачу, ни за один сюжет. Мы же не звали в своей программе людей на баррикады, не провоцировали кровавые разборки, не свергали, в конце концов, режим. То, что мы делали, отвечало нормальным, естественным человеческим представлениям о демократии. Мы выступали за свободу слова, совести, боролись за восстановление исторической правды. Горжусь, что я первым пригласил в студию священника, хотя пришлось добиваться этого три месяца. Еще в 1987-м мы подняли вопрос о психиатрических преследованиях в нашей стране. С этим что — надо было мириться и дальше?

— Другое дело, что когда в 1991 году я с искренним энтузиазмом снимал в Белом доме, то, разумеется, не мог предположить, что со временем мы придем к такому ужасу, к такому криминалу, такой лжи. Недавно я побывал в Питере — и в течение дня не увидел на улицах ни одного улыбающегося, счастли-

вого лица. Это меня просто убило. — Скажи, почему сегодня ты практически не занимаешься политикой, новейшей историей? Ведь проблем перед страной нынче никак не меньше, чем в том же 87-м году.

— Тогда была надежда что-то изменить, сдвинуть с мертвой точки — и многое, кстати, удавалось, а сегодня... Когда день за днем наблюдаешь, что и как обсуждает Госдума, на каком позорно низком уровне выясняют между собой отношения политики, возникает чувство непреодолимого внутреннего протеста. Я не хочу общаться и даже встречаться с ними в студии, не хочу показывать проблемы в их интерпретации, не хочу транслировать на страну их самолюбование и бесстыдство.

— Знаю, что она испанка, но не знаю, как оказалась в нашей стране.

— Она родилась здесь. Ее отца ребенком вывезли в СССР в 1939 году — во время гражданской войны в Испании. Непонятно, впрочем, зачем это сделали, поскольку вся его многочисленная семья осталась на родине. Мой тесть 25 лет не видел маму, братьев — только потом ему стали разрешать видеться с ними. И то сначала не в самой Испании, а на границе с Францией.

— Консуло знает испанский?

— Да, дома она разговаривала с отцом на испанском, с мамой — на русском. Словом, знает два язы-

Владимир МОЛЧАНОВ: Я БЫЛ ПЕРЕВОДЧИКОМ СУСЛОВА

— Тоже позиция, хотя и отдает чистоплюйством... Но если не политика, то что?

— Меня интересует все, что происходит в стране, только через призму человеческих отношений. Любовь, ненависть, измена, страх, надежда — это не устаревает в любую эпоху. Старика и дети — тоже "моя" тема. И, конечно, по-прежнему волнует, притягивает мир музыки. Особенно той, под которую я рос. Завершаю работу над телевизионным циклом "Помню... Люблю...", который будет состоять из 17 фильмов-портретов крупнейших советских композиторов — Островского, Мокроусова, Бабаджянана, Блантера... Это мое объяснение в любви тем людям, на коленях у которых подчас действительно я сидел. Впрочем, дело не во мне. Когда первые четыре фильма прошли по первому каналу, мы стали получать от взволнованных зрителей мешки писем. А я-то думал, что уже никто никому не пишет...

— Выходит, ты задел какую-то важную струну в сердцах людей. Кроме того, фильмы были показаны по ОРТ. На RenTV, где ты постоянно работаешь, твой цикл, боюсь, не был бы и замечен. Не жалеешь, что ушел в свое время с первого канала?

— Нет... Меня успокаивает ощущение, что Паневежисский театр, который на протяжении десятилетий был одним из лучших сценических коллективов мира, находился в крохотном городке. И туда ехали из Вильнюса, Москвы, Стокгольма...

— Ты такой патриот RenTV?

— Я пришел сюда одним из первых. Всегда буду помнить атмосферу того времени, когда можно было прийти на работу и встретить здесь очень талантливых нетелевизионных людей — Эльдара Рязанова, Лёну Филатова, Юрия Владимировича Никулина... У нас были по-настоящему дружеские отношения — с разговорами "за жизнь", с интереснейшими воспоминаниями, розыгрышами, анекдотами... И полная творческая свобода. Я мог делать "До и после", а мог сесть в автобус, поехать в Вологодскую область и снять документальный фильм "Записки из мертвого дома" — о приговоренных к смертной казни убийцах, томлящихся в тюрьме на острове Огненный. Сегодня многое на Ren-TV иначе. Оно стало большой машиной, безжалостным конвейером — с девятью выпусками новостей, с обязательными бездарными сериалами, без которых, увы, тоже нельзя: "мыльная опера" стоит дешевле, чем производство одного документального получасового фильма. Грустно все это. Но я все равно люблю Ren-TV, меня устраивает мое положение здесь, моя пусть небольшая, но чуткая аудитория. А если я понимаю, что сделал программу или фильм, которые могут быть интересны более широкой аудитории, мне, как правило, удается показать их на первом канале, куда, кстати, меня то и дело зовут вернуться. Но я человек верный...

— В том числе, как я понимаю, и в семейной жизни. Ты со своей женой Консуло, насколько знаю, познакомился на первом курсе института, с тех пор прошло...

ФОТО АВТОРА.

ка в совершенстве. Очень любит Испанию, время от времени бывает там у своей родни. Но семья, дом, дочь у нее здесь.

— Ваша дочь заканчивает школу. В одном интервью я прочитал, что ты не хотел бы, чтобы она пошла по журналистской стезе...

— Это правда. Меня удручает уровень и качество журналистики, особенно телевизионной, в нашей стране. Если в период застоя профессия предполагала у пишущих и снимающих более или менее основательные знания, если в период гласности она требовала еще и известного мужества, то сегодня журналистская известность строится на скандалах, "сенсационных" разоблачениях, на том, что называется "сливом компромата". Это не та журналистика, которой я хотел бы и мог обучать дочь.

— Как тебе кажется, ты хороший отец?

— Мне долго казалось, что неплохой. Но начинаю думать, что не такой уж хороший. Дочь не была обделена моим вниманием, но, не исключено, я что-то упустил в ее воспитании. Мне кажется, Аня не так образованна, как мне бы хотелось, через нее проходит слишком большой поток дурной информации — я имею в виду все эти глянцевики журналы, почтовые музыкальные программы, которым она уделяет чрезмерное внимание. В то же время она, на мой взгляд, недостаточно хорошо знает серьезную литературу, живопись, музыку... Но, может, я слишком придираюсь. Я сам в школе неважно учился, а в университете все наладилось. Надеюсь, и у Ани проснется настоящий интерес к знаниям. Она хочет быть психологом, и я это только приветствую — вполне перспективная профессия.

— Глядя на вас с Аней, хочется сказать: взрослая дочь молодого человека. Ты неплохо выглядишь для своих уже не юношеских лет. Спортивные навыки не забываешь?

— Нет, я уже десять лет боюсь выходить на корт: у меня проблемы с позвоночником. Я прошел через руки доктора Касьяна, регулярно поддерживаю себя в НИИ спортивной медицины. Но опускаться себе не позволяю. Зимой катаюсь на лыжах у себя в деревне — кстати, все в той же Рузе, где мы с женой построили дом, ухнув на это дело все свои сбережения.

— И ты сам что-то делал своими руками?

— Навыков плотника, каменщика у меня, конечно, нет, но я с удовольствием что-то чищу, крашу. Люблю заниматься огородом, грядками — получаю при этом дикая кайф. Доживем до лета — приезжай в гости: угощу зеленью со своего огорода.

Вел беседу Леонид ПАВЛЮЧИК.